

Прихода храма в честь Рождества Христова в Анне

Аннинское благочиние, Борисоглебская Епархия

Воронежская Митрополия, Московский Патриархат, Русская Православная Церковь

Великий пост

О смысле поста

Великий пост, который предшествует Пасхе, это путь, который православные верующие проходят, готовя свои тела и души к предстоящему празднику – Светлому Христову Воскресению.

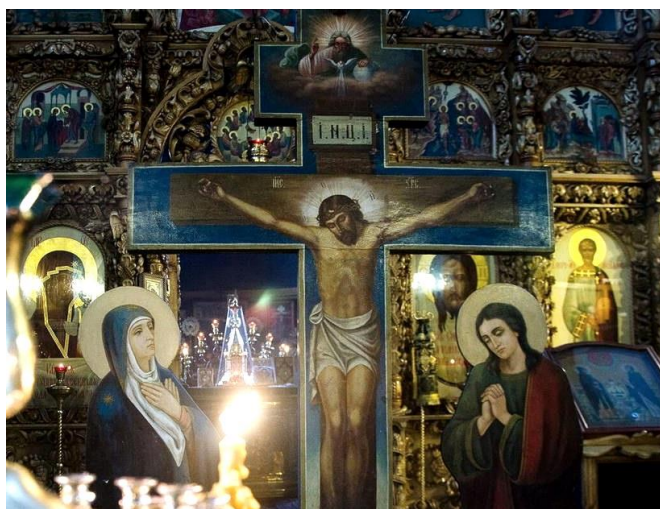
Великий пост является самым важным и древнейшим из многодневных постов. Он символизирует сорокадневный пост Спасителя в пустыне. Великий пост подводит православных людей к Страстной неделе (седмице) и, далее, к Празднику праздников – Светлому Христову Воскресению. Время Великого Поста – это время воздержания, молитвы и покаяния.

«Один телесный пост не может быть достаточным к совершенству сердца и чистоте тела, если не будет соединен с ним и пост душевный, — говорит преподобный Иоанн Кассиан. — Ибо и душа имеет свою вредную пищу. Отяжеленная ею, душа и без избытка телесной пищи впадает в сладострастие. Злословие есть вредная пища для души, и притом приятная. Гнев есть также пища ее, хотя вовсе не легкая, ибо часто питает ее неприятной и отравляющей пищей. Тщеславие — пища ее, которая на время услаждает душу, потом опустошает, лишает всякой добродетели, оставляет бесплодной, так что не только губит заслуги, но еще и навлекает большое наказание».

Цель поста — искоренение пагубных проявлений души и стяжание добродетелей,

чему способствуют молитва и частое посещение богослужений в храме (по преподобному Исааку Сирину — «бодрствование в службе Божией»). Святитель Игнатий по этому поводу также отмечает: «Как на ниве, тщательно обработанной земледельческими орудиями, но не

засеянной полезными семенами, с особенною силою вырастают плевелы, так в сердце посящегося, если он, удовлетворяясь одним телесным подвигом, не оградит ум подвигом духовным, то есть молитвою, густо и сильно вырастают плевелы самомнения и высокомерия».

Для каждого человека время проведения Великого поста индивидуально распадается на множество его особенных маленьких подвигов, маленьких усилий. Но тем не менее, можно выделить некоторые, общие для всех, направления наших духовных и нравственных усилий в Великий пост. Это должны быть усилия по организации нашей духовно-молитвенной жизни, усилия по отсечению тех или иных внешних развлечений и попечений. И, наконец, это должны быть усилия, направленные на то, чтобы наши отношения с ближними сделать более глубокими, содержательными, исполненными любви и жертвенности с нашей стороны.

Организация нашей духовно-молитвенной жизни в Великий пост тем и отличается, что предполагает большую меру нашей ответственности. Если в прочее время

мы, бывает, потакаем себе, снисходим к себе, говорим, что мы устаем, о том, что мы много работаем или о том, что у нас домашние попечения, сокращаем молитвенное правило, не доходим до всенощной под воскресный день, пораньше уходим с богослужения, — у каждого наберутся такого рода саможаления, — то Великий Пост следует начать с того, что все эти попущения, проистекающие из саможаления к себе, пресечь.

Очень важно в Великий пост бывать не только на субботах, воскресных, но и обязательно — на будничных богослужениях, на которых нам открывается как бы весь строй великопостной службы - многократные повторения молитвы Ефрема Сирина «Господи, и Владыка живота моего», пение тропарей часа с земными поклонами.

Литургия преждеосвященных даров, которая совершается в будни великого поста, содержит песнопения, сокрушающие даже самое окамененное сердце: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою», «Ныне Силы Небесные» — не помолившись на таких богослужениях, не приобщившись к ним, мы и не поймем, какое духовное богатство открывается нам в великопостных службах.

Итак, пост телесный и духовный должен приносить плоды молитвы и покаяния, когда каждый из нас просит у Господа прощения своих грехов (говением и исповедью), чтобы быть достойными неосужденно приступить к Таинству Святого Причастия – величайшего чуда на земле, прибегающие к которому соединяются с Самим Христом, по слову Господа «пребывают в Нем».

Семейная страница

Великий пост. Чистый понедельник. (И.С. Шмелев, «Лето Господне»)

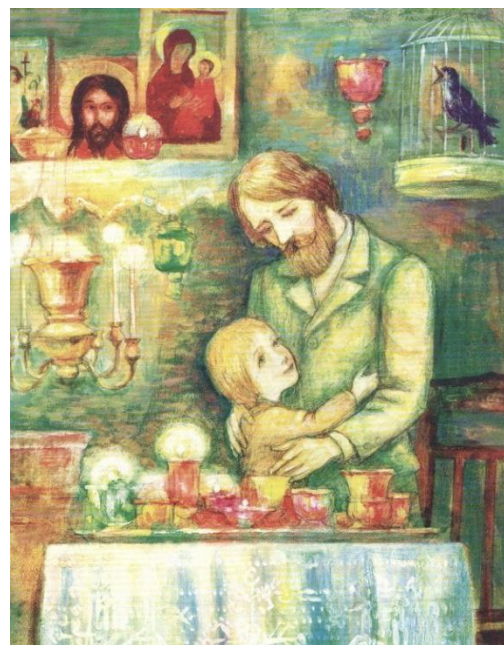
Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий Пост. Розовые занавески, с охотниками и утками, уже сняли, когда я спал, и оттого так голо и скучно в комнате. Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят. Серенькая погода, оттепель. Капает за окном — как плачет. Старый наш плотник — «филёнщик» Горкин, сказал вчера, что масленица уйдет — заплачет. Вот и заплакала — кап... кап... кап... Вот она! Я смотрю на растерзанные бумажные цветочки, назолоченый пряник «масленицы» — игрушки, принесенной вчера из бань: нет ни медведиков, ни горок, — пропала радость. И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж «душа начнется», — Горкин вчера рассказывал, — «душу готовить надо». Говеть, поститься, к Светлому Дню готовиться.

— Косого ко мне позвать! — слышу я крик отца, сердитый.

Отец не уехал по делам: особенный день сегодня, строгий, — редко кричит отец. Случилось что-нибудь важное. Но ведь он же его простил за пьянство, отпустил ему все грехи: вчера был прощенный день. И Василь-Василич простил всех нас, так и сказал в столовой на коленках — «всех прощаю!». Почему же кричит отец?

Отворяется дверь, входит Горкин с сияющим медным тазом. А, масленицу выкуривать! В тазу горячий кирпич и мятка, и на них поливают уксусом. Старая моя нянька Домнушка ходит за Горкиным и поливает, в тазу шипит, и подымается кислый пар, — священный. Я и теперь его слышу, из дали лет. Священный... — так называет Горкин. Он обходит углы и тихо колышет тазом. И надомной колышет.

— Вставай, милоч, не нежься... — ласково говорит он

мне, всовывая таз под полог. — Где она у тебя тут, масленица-жирнуха... мы ее выгоним. Пришел Пост — отгрызу у волка хвост. На постный рынок с тобой поедем, Васильевские певчие петь будут — «душе моя, душе моя» — заслушаешься.

Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий Пост. И Горкин совсем особенный, — тоже священный будто. Он еще до свету сходил в баню, попарился, надел все чистое, — чистый сегодня понедельник! — только казакинчик старый: сегодня все самое затрапезное наденут, так «по закону надо». И грех смеяться, и надо намаслить голову, как Горкин. Он теперь ест без масла, а голову надо, по закону, «для молитвы». Сияние от него идет, от седенькой бородки, совсем серебряной, от расчесанной головы. Я знаю, что он святой. Такие — угодники бывают. А лицо розовое, как у херувима, от чистоты. Я знаю, что он насушил себе черных сухариков с солью, и весь пост будет с ними пить чай — «за сахар».

— А почему папаша сердитый... на Василь-Василича так?

— А, грехи... — со вздохом говорит Горкин. — Тяжело тоже переламываться, теперь все строго, пост. Ну, и сердются. А ты держись, про душу думай. Такое время, все равно как последние дни пришли... по закону-то! Читай — «Господи-Владыко живота моего». Вот и будет весело.

И я принимаюсь читать про себя недавно выученную постную молитву. В комнатах тихо и пустынно, пахнет священным запахом. В передней, перед красноватой иконой Распятия, очень старой, от покойной прабабушки, которая ходила по старой вере, зажгли постную, голого стекла, лампадку, и теперь она будет негасимо гореть до Пасхи. Когда зажигает отец, — по субботам он сам зажигает все лампадки, — всегда напевает приятно-грустно: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», и я напеваю за ним, чудесное:

И свято-е... Воскресе-ние Твое
Сла-а-вим!

Радостное до слез бьется в моей душе и светит, от этих слов. И видится мне, за вереницею дней Поста, — Святое Воскресенье, в светах. Радостная молитвочка! Она ласковым счетом светит в эти грустные дни Поста.

Мне начинает казаться, что теперь прежняя жизнь кончается, и надо готовиться к той жизни, которая будет... где? Где-то, на небесах. Надо очистить душу от всех: грехов, и потому все кругом — другое. И что-то особенное около нас, невидимое и страшное. Горкин мне рассказал, что теперь — «такое, как душа растает с телом». Они стерегут, чтобы ухватить душу, а душа трепещет и плачет — «увы мне, окаянная я!» Так и в ифимонах теперь читается.

— Потому они чувят, что им конец подходит, Христос воскреснет! Потому и пост даден, чтобы к церкви держаться больше, Светлого Дня дожидаться. И не помышлять, понимаешь. Про земное не помышляй! И звонить все станут: помни... по-мни!.. — поокивает он так славно.

В доме открыты форточки, и слышен плачущий и зовущий благовест — по-мни... по-мни... Это жалостный колокол, по грешной душе плачет. Называется — постный благовест. Шторы с окон убрали, и будет теперь по-бедному, до самой Пасхи. В гостиной надеты серые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина, — «Красавица на пиру», — закрыта простынею. Все домашние очень строги, и в затрапезных платьях с заплатами, и мне велели надеть курточку с продранными локтями. Ковры убрали, можно теперь ловко кататься по паркетам, но только страшно, Великий Пост: раскатишься — и сломаешь ногу. От «масленицы» нигде ни крошки, чтобы и духу не было. Даже заливную осетрину отдали вчера на кухню. В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, — великопостные. В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа, и с

рубленной капустой, кислой, густо посыпанной анисом, — такая прелесть. Я хватаю щепотками, — как хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар — лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то «коливо»! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая «рязань»... а «грешники», с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотой внутри!.. Неужели и т а м, куда все уходит из этой жизни, будет такое постное! И почему все такие скучные? Ведь все — другое, и много, так много радостного. Сегодня привезут первый лед и начнут набивать подвалы, — весь двор завалят. Поедем на «постный рынок», где стон стоит, великий грибной рынок, где я никогда не был... Я начинаю прыгать от радости, но меня останавливают:

— Пост, не смей! погоди, вот сломаешь ногу.

Мне делается страшно. Я смотрю на Распятие. Мучается, Сын Божий! А Бог-то как же... как же Он допустил?..

Чувствуется мне в этом великая тайна — Бог...

Сумеречное небо, тающий липкий снег, призывающий благовест... Как это давно было! Теплый, словно весенний, ветерок... — я и теперь его слышу в сердце...

Православная поэзия

В Крестопоклонную неделю

Весенних мыслей бездорожье
И чувств весенних теснота —
Я уйду от них к подножью
Животворящего Креста.
Здесь все в одном переживанье,
Все манит душу в Горний мир:
Лампад задумчивых мерцанье,
Звучанье стройное стихир...
Стою, молюсь, и что-то очень
Напоминает детство мне,
Как будто чистый колокольчик
Оттуда счастьем прозвенел,
Как будто время расколосось,

И вновь просторы предо мной,
И вновь призывный слышу голос,
Забывтый, но такой родной.
Я знаю — не достоин чуда,
Но смилосердись, Боже мой,
Пусть снова я, как мальчик, буду
Ходить доверчиво с Тобой.
И здесь, у крестного подножья,
Молю я: укажи мне путь!
Готово сердце мое, Боже,
Готово вновь к тебе прильнуть!

Иеромонах Димитрий (Захаров)